

УДК 316.3:347.464

ББК 60.52

Ф68

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Рукопись монографии подготовлена при поддержке гранта РФФИ
№ 18-011-00088 «Политический порядок современных обществ в
контексте рентной трансформации»

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института философии и права
УрО РАН (протокол № 6 от 18 июня 2018 г.)

Рецензенты: д.полит.н. С.И. КАСПЭ,
д.э.н. П.А. ОРЕХОВСКИЙ

Фишман, Л. Г., Мартьянов, В. С., Давыдов, Д. А.
Ф68 Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии
[Текст] / Л. Г. Фишман (разд. 1.1–1.4, 3.3, 4.1–4.3, 4.5), В. С. Мартьянов
(разд. 1.5.–1.6, гл. 2, разд. 3.1–3.3), Д. А. Давыдов (разд. 4.4,
4.5); Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд.
дом Высшей школы экономики, 2019. — 416 с. — (Экономическая
теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1913-4 (в пер.). — ISBN 978-
5-7598-2020-8 (e-book).

Монография посвящена переосмыслению феномена ренты как
фундамента экономической и политической жизни современных об-
ществ. Актуальные тенденции глобальной эволюции капитализма,
рынка и демократии свидетельствуют об усилении их рентных осно-
ваний, которые игнорировались чистой экономической и политиче-
ской теорией, но всегда сохраняли важнейшую регулятивную значи-
мость в реальной жизни общества. Глобальный кризис капитализма
и свободных рынков, обнаружение пределов вечных факторов раз-
вития — труда и капитала, исключение человека из технологических
цепочек и трансформация общества труда, а также политическое
неравенство экономических субъектов позволяют различить конту-
ры нового рентного общества, которое рождается здесь и сейчас —
в тени капитализма, труда и демократии.

Книга адресована экономистам, политологам, социологам, фи-
лософам, а также всем, кто интересуется проблемами обществен-
но-политического развития России и всего мира.

УДК 316.3:347.464

ББК 60.52

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1913-4

ISBN 978-5-7598-1913-4 (в пер.) © Фишман Л.Г., Мартьянов В.С.,

ISBN 978-5-7598-2020-8 (e-book) Давыдов Д.А., 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
ГЛАВА 1. РЕНТА, КАПИТАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК МОДЕРНА 10	
1.1. Рента — не экономическое понятие	10
1.2. Рентоориентированный характер капитализма	32
1.3. Демократия и деконцентрация политической ренты	42
1.4. Глобальные фоновые факторы новой монополизации политической ренты	50
1.5. Капитализм, рента и демократия: возможна ли новая пересборка?	69
1.6. Конфигурация политических субъектов позднего капитализма	103
ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ РЕНТНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ, ИНСТИТУТЫ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ 119	
2.1. Падение среднего класса	119
2.2. Новая социальная стратификация: от экономических классов к рентным группам	153
2.3. Рентная демократия	168
ГЛАВА 3. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ РЕНТНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 192	
3.1. Рентно-сословная трансформация российского общества	192

3.2. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе	233
3.3. Трансформация политической морали: от универсальной гражданской этики к сословной этике добродетели	248
ГЛАВА 4. СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО РЕНТНОГО ОБЩЕСТВА: ИДЕОЛОГИЯ, ФУТУРОЛОГИЯ И ПРАКТИКИ	278
4.1. Закат общества труда: современная идеологическая констелляция	278
4.2. Рентная трансформация и рост популизма	298
4.3. Утопическое сознание в контексте интенсификации рентных отношений	315
4.4. Новые коллективные рентные практики	333
4.5. Контуры рентного будущего: прогнозы и сценарии	362
Заключение	389
Библиография	392

Введение

ПОЛИТИЧЕСКОЕ мышление современности во многом определено своего рода *экономизмом* — экспансией экономического мышления как наиболее приближающегося к стандартам точных наук. Поэтому политическая мысль, особенно в ее идеологическом аспекте, пронизана экономическими метафорами — рынка, конкуренции, спроса-предложения, партий как предприятий и т.д. Это создает иллюзию, что и в социально-политической сфере преобладает некий процесс саморегуляции по рыночному (в широком смысле — экономическому, *естественному*) образцу. Экономика становится метаидеологией мышления о политике.

Однако разные исследователи, в том числе немарксистского направления, все чаще вскрывают идеологическую подоплеку экономизированного мышления. Эти разоблачения приобретали актуальность по мере того, как становилась все более ясной роль разнообразного политического регулирования в жизни современных обществ, а также то, что в самом их становлении как рыночных и капиталистических не было ничего *естественного*.

Таким образом была поставлена под сомнение *естественность* экономической науки и был положен предел ее экспансии в область политического мышления. Однако этот предел был положен скорее негативным образом — путем выявления идеологической ангажированности самой экономической науки. Но если идет речь о восста-

новлении более адекватной версии *политэкономического* экономического мышления, какая, собственно, и возникла первоначально, то просто констатации его идеологической ангажированности недостаточно.

Экономическая наука как *политическая экономия* исторически являлась политическим мышлением не в меньшей мере, чем *чисто экономическим*. С некоторых пор она стала полагать себя точной наукой (*экономикс*), что подразумевало маргинализацию ее политической составляющей. Это привело к образованию внутри и политической, и экономической науки одного важнейшего «слепого пятна» — проблематики ренты.

Рента — маргинализированное понятие, поскольку в его основе содержится представление о незаслуженном, незаработанном, *исключительном* преимуществе, которое не может быть устранено путем воздействия неких общих закономерностей. Особенно если само рентное отношение — искусственное, установлено прямым захватом ценного, ограниченного ресурса или насилием. В мире экономической науки, полагающейся на *естественные законы*, рента как *искусственный* феномен выглядит чужеродно.

В сегодняшней ситуации, наоборот, становится очевидной искусственность *всего* якобы естественного политико-экономического порядка современных обществ, основанного *только* на законах труда, капитала и рынка. И это происходит на фоне кризиса *общества труда*. Такой порядок предстает как искусственный и сконструированный. То, что ранее казалось в нем плодами *честной* работы труда и капитала, обнаруживает следы разного рода политико-административного и откровенно силового регулирования. Более того, становится очевидным, что *искусственность* современного политико-экономического порядка никуда не исчезнет в обозримом будущем.

В терпящих кризис, разрушающихся, меняющихся социальных порядках, которые до того воспринимались как

естественные, ярко проявляется искусственная, все более необходимая для поддержания их функционирования политическая составляющая. Эти же самые составляющие в период кризиса и разрушения могут достичь своего апогея и, возможно, стать тем критическим звеном, которое либо окончательно разрушит Старый порядок, либо даст начало новому. Для адекватного осмысления этих искусственных, политических, уязвимых мест старых порядков требуются понятия, возникающие на стыке политики и экономики. Одним из них, по нашему мнению, является не новое, но обладающее сегодня внушительным эвристическим потенциалом имплицитно *политизированное* понятие ренты. Один раз оно уже сыграло свою роль в разрушении феодальных порядков, а затем было маргинализировано: нужно было обезвредить его критический потенциал при осмыслении новых порядков, пришедших на смену. Но теперь вновь наступает его время.

Глава 1

Рента, капитализм и политический порядок Модерна

1.1. РЕНТА — НЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

К истории понятия ренты

РЕНТА — не экономическое понятие в том смысле, что у экономики есть какие-то отдельные квазиприродные законы. Изначально это понятие *политэкономическое*. В частности, Давид Рикардо утверждает, что «продукт земли — все, что получается с ее поверхности путем соединенного приложения труда, машин и капитала, — делится между тремя классами общества, а именно: владельцами земли, собственниками денег или капитала, необходимого для ее обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается. Но доли всего продукта земли, достающиеся каждому из этих классов под именем “ренты”, “прибыли” и “заработной платы”, весьма различны на разных стадиях общественного развития <...>. Определить законы, которые управляют этим распределением, — главная задача политической экономии»¹.

В определении из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона указано, что рента это «вообще тот вид

¹ *Рикардо Д.* Соч.: в 3 т. Т. 1. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955. С. 30.

народного дохода, который получается в силу каких-либо особых преимуществ или благоприятных условий. Подобными преимуществами могут быть для земледельца — плодородие почвы или выгодные условия местоположения, для промышленника — обладание секретом производства или привилегией, для лица какой-нибудь либеральной профессии — талант или выходящее за пределы среднего уровня искусство и т.п.»²

Как видно из этого определения, более выгодные или менее выгодные условия определяются вовсе не только экономическими или *природными* факторами, но и такими, как *привилегии*. Точно так же, как используемые Рикардо слова *распределение, доля, законы*, они отсылают нас к сфере политического.

Однако политическое содержание ренты как таковой, а не специфической *политической ренты* не входит в область интереса *чистых экономистов*. Они рассматривают ренту исключительно с точки зрения ее производства трудом, капиталом и природными факторами как некоего излишка. Политический фактор, например такой, как частная собственность на землю, видится ими только как производное от фактора экономического, что мы можем наблюдать в рассуждении о земельной ренте Б.С. Малышева: «Частная собственность на землю — необходимое, но недостаточное условие присвоения ренты, ее еще нужно произвести. Если имеется земля одинакового качества в неограниченном количестве (предложение превышает спрос при неизменной цене — абсолютно эластичное предложение), то земельной ренты не будет. Очевидно, тогда не будет и частной собственности на землю, разве только в предвидении будущих изменений спроса. Не частная собственность порождает ренту, а наоборот, соз-

² Рента // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 26А. СПб., 1899. С. 579.

даваемая землей рента порождает институт частной земельной собственности. Если некто владеет землей, выведенной из оборота или еще не введенной в него, то никакой ренты он не получит»³.

Из данного рассуждения следует, что политический фактор не порождает ренты, если ее понимать сугубо как излишек. Ее порождают природа, капитал и труд.

Но как же тогда быть с теми отсылками к политическим факторам, которые так или иначе присутствуют в политэкономических определениях ренты? Право присвоения, распределения продукции, *созданной землей* неважно какого качества, такая же неотъемлемая часть понятия ренты. И это уже явление того порядка, который выходит за рамки описываемого в понятиях труда, капитала и природы. Тут мы должны заметить, что именно земельная рента и возникающие в связи с ней социальные отношения становятся матрицей для иных рент и социальных связей более поздних периодов истории. Как писал еще Р. Джонс, исторически первой является *крестьянская рента*; она основана на насилии, на первичном захвате земли в собственность правителями, когда крестьяне расплачиваются своей продукцией за право использования земли⁴. Возвращаясь к классической политэкономии в лице Смита и Рикардо, мы поэтому, вслед за Р. Джонсом, должны заметить, что она, фокусируя свое внимание на *фермерской ренте*, игнорировала тот аспект ренты, который исторически тесно сопрягается с отношениями господства и подчинения. Смит при анализе ренты исходит из ее природного происхождения, связывая ее с богатством даров природы. По Рикардо, рента возникает не вследствие щедрости природы, а вследствие ее бедности, в силу чего приходится прилагать к участкам земли с раз-

³ Мальшев Б.С. Общая теория ренты. Томск, 2012. С. 25.

⁴ См.: Джонс Р. Экономические сочинения. М., 2008. С. 26–31.

ным плодородием разное количество труда, чтобы получить одинаковый результат. Земельная рента описывается у классических экономистов, скорее, в категориях даров природы, труда и капитала, но не в категориях господства и подчинения, более адекватно подчеркивающих ее *социальный* генезис.

Отсюда возникает понятие *социальной ренты* как присвоения труда другого, социального паразитирования, «когда такую возможность дает статус, подтверждаемый силой государства <...> эта возможность опирается как на фундамент на отношения господства с применением санкций. <...> Создается среда, предоставляющая особые выгоды “социальным рантье” по сравнению с экономическими агентами, действующими в других условиях. <...> Каждое общество создает разного рода страты в соответствии с наличием привилегий (права на получение социальной ренты): аристократия и рабы, классы и касты, права собственников и бесправие неимущих. Социальная рента существует при любом экономическом строе, но опирается на разный ресурсный потенциал, как внутренний, так и внешний»⁵.

Очевидно, что явление социальной ренты возникает на уровне, на котором происходит присвоение и распределение излишка, производимого трудом, капиталом и природой. Сфера производства материального излишка («экономической» ренты) по отношению к этому уровню (политическому) оказывается примерно в том же положении, в каком *природа* находится по отношению к труду и капиталу. Точно так же как труд и капитал обладают неким *преимуществом* по отношению к природе, что позволяет производить *из нее* ренту и присваивать последнюю, сфера политического обладает *преимуществом* по

⁵ Васильева Л.Н. Элитологическая онтология. М., 2014. 372 с. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/ontologia/index.php.

отношению к сфере производства, что ведет к такому же результату.

Поясним этот момент. В первобытном состоянии человек живет охотой и собирательством, т.е. за счет тех самых даров природы. Нельзя сказать, что в ситуации, когда рынок ограничен отношениями простого обмена, он получает с этих даров *ренту*. Хотя разница в природных условиях и может давать тем или иным группам нечто подобное ренте. Принципиально здесь то, что большая часть истории человечества протекает в условиях, когда оно пользуется тем, чего само не производит. В первую очередь это относится к продуктам питания, которые человек начинает производить только в процессе неолитической революции. Но и в этом случае производство, к примеру, зерна зарождается там, где ввиду особенно благоприятных климатических условий оно требует наименьших усилий, т.е. опять-таки географически там, где дары природы щедрее всего. Однако это уже иные, прежде не имевшие ценности дары.

Здесь мы должны заметить, что описанное выше присвоение ренты *с природы* есть изначально явление и природного, и квазиполитического характера. На каком основании человек считает себя вправе присваивать такую ренту? На основании некоего превосходства над природой и умения *договариваться* с ее силами. Вначале посредством ранних форм религии, к которым затем прибавляются элементы науки и техники. Он берет от природы ее плоды потому, что ему позволяют это сделать разум, умения и, что особенно важно, общественная организация, которым природа противостоять не может.

Как заметил Рикардо, «если бы воздух, вода, упругость пара и давление атмосферы были неоднородны по своим качествам, если бы они могли быть обращены в собственность и каждый разряд имелся бы только в ограниченном количестве, то и они, подобно земле, давали

бы ренту по мере использования низших разрядов»⁶. Дар природы образует ренту лишь тогда, когда может быть присвоен. Но когда он может быть присвоен? И чем вызвано само это расширение номенклатуры обладающих ценностью даров природы? «Спусковым крючком», который превращает не имеющий цены дар природы в дар, ее имеющий, и который, будучи присвоен, способен давать ренту, служат технические инновации.

Морган по этому поводу писал: «Самые ранние идеи собственности были тесно связаны с добычей средств существования, что составляло первую потребность человека. Число объектов частной собственности естественно возрастало в каждом последующем этническом периоде по мере возрастания количества тех производств, от которых зависели средства существования. Каждый этнический период обнаруживал заметный прогресс по сравнению с предшествующим не только по количеству изобретений, но и по разнообразию и объему собственности, явившейся результатом этих изобретений»⁷.

Иными словами, превосходство над природой делает ее плоды для человека *даром*, т.е. тем, что сам человек не произвел, но присвоил. Это отношение превосходства, преимущества перед природой (даже господства и подчинения) и есть прообраз всякой ренты; оно же фактически находится вне ее осмысления с *чисто экономической* точки зрения. Аналогичным образом при появлении классового расслоения выделяются люди, превосходящие прочих разумом, специфическими умениями (осуществлять принуждение, господствовать) и организацией. Тогда для них прочие люди в той или иной степени превращаются в *дары природы*. Поэтому к области технических инноваций, создающих ренту, мы должны отнести и социаль-

⁶ Рикардо Д. Соч. Т. 1. С. 71.

⁷ Морган Л. Древнее общество. Л., 1935. С. 335.

ные технологии, которые, в терминологии Льюиса Мэмфорда, были заложены в основу *мегамашины* — базовой социальной структуры, создающей как социальную, так и природную ренту. Первой *мегамашиной*, по Л. Мэмфорду, являлось объединение, при посредстве государственного принуждения, множества людей ради выполнения поставленных перед ними задач. «Самым долгосрочным экономическим эффектом первого мифа машины, — пишет Льюис Мэмфорд, — стало разделение всех людей на работающих и тех, кто живет праздно за счет излишка, отнятого у тружеников, вынужденных владеть жалкое существование»⁸.

Если первобытный человек живет чистыми дарами природы, то в дальнейшем, по мере усложнения социальных связей, развития отношений собственности, власти, эксплуатации и т.д., эти дары все больше приобретают вид ренты. Дары природы может присвоить каждый, равно как каждый обладает возможностью индивидуально *договариваться* с силами природы, выступающими под масками мистических сущностей. Например, в ранних промысловых и аграрных культах эта способность договариваться не является монополией вождей, шаманов или жрецов; охотники и земледельцы обычно достигают таких договоренностей без посредников⁹. Социальная же рента появляется вследствие *неравенства*, когда какая-то социальная группа овладевает монополией на какой-либо критически важный ресурс, происходящей из монополии на власть и знание. Такова, к примеру, ситуация в «гидравлических империях» Древнего мира, в которых центральная власть монополизировала доступ к воде, а жрецы и чиновники — знания и навыки, необходимые для правильной организа-

⁸ См.: Мэмфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М., 2001. С. 270.

⁹ См.: Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 227–231, 360–364.

ции сельского хозяйства и управления. В предельном выражении, как это было в Древнем Египте, фараон сочетает в себе две эти монополии, служит главным посредником между населением страны, природой и богами, да и сам является богом.

На протяжении истории логика природной ренты, объединяясь с логикой социального расслоения и во многом преобразовываясь в нее, низводит часть людей до положения *ресурса*, одновременно возвышая другую часть. Так формируются социальные порядки *естественного государства*, в котором верхушка социальной иерархии живет за счет ренты, обеспечиваемой эксплуатацией и неравенством доступа к ключевым ресурсам. И точно так же как отношения преимущества, господства и подчинения образуют ренты в пределах локального общества, они образуют их и во взаимодействии между странами и национальными экономиками. Тут мы имеем дело с так называемой *империалистической рентой*, которая известна со времен Древнего мира. В эпоху глобализации и торжества неолиберальной политики она создала в ряде развитых стран видимость *постиндустриального общества*, которое на деле есть общество-рантье, где занятое почти исключительно в сфере сервиса население под видом зарплаты получает долю империалистической ренты. Словом, в ходе истории человечества возникает комплекс тесно переплетенных отношений, в которых одни извлекают и присваивают природные ренты, а другие на том же основании *природного* (или маскируемого под *естественное*) превосходства уже из этих последних извлекают ренты социальные.

Данный момент *маскировки* требует особого внимания.

Дискурсы оправдания ренты

Л. Васильева отмечает, что обязательным условием существования социальной ренты является «идеология как на-

вязывание определенного видения мира, позволяющего упрочить и институционализировать новые отношения»¹⁰. И действительно, такого рода дискурсы встречаются на протяжении всей человеческой истории. Унаследованные от прошлого религии, которые описывают имеющийся социальный порядок как данный богами, и более поздние идеологические построения, которые апеллируют к человеческой природе, «природе» вообще, к исторической ситуации (дающей преимущества одним социальным группам, нациям, расам и т.д.), — все они могут быть описаны как дискурсы, оправдывающие наличный порядок получения и распределения ренты.

Начиная с Античности, если не ранее, мы найдем достаточно примеров идеологической легитимации разного рода ренты, рожденной неравенством *по природе*, — этим пронизана вся история цивилизации.

Так, Аристотель, наверное, одним из первых представил четкую и логичную систему обоснования наиболее актуальных тогда рент. Из базового для всякой ренты превосходства *по природе* он последовательно вывел власть разумной души над телом, господство человека над животными, мужчины над женщиной, раба над господином. Показательно, что все эти ренты тесно связаны как с *природой*, так и с политическим господством:

«Согласно нашему утверждению, во всяком живом существе прежде всего можно усмотреть власть господскую и политическую. Душа властвует над телом, как господин, а разум над нашими стремлениями — как государственный муж. Отсюда ясно, сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души — быть в подчинении у разума и рас-

¹⁰ Васильева Л.Н. Элитологическая онтология. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/ontologia/28.php.

судочного элемента души и, наоборот, какой всегда получается вред при равном или обратном соотношении.

12. То же самое положение остается в силе и в отношении человека и остальных живых существ. Так, домашние животные по своей природе стоят выше, чем дикие, и для всех домашних животных предпочтительнее находиться в подчинении у человека: так они приобщаются к своему благу (*soterias*). Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая — ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении. Тот же самый принцип неминуемо должен господствовать и во всем человечестве.

13. Все те, кто в такой сильной степени отличается от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек от животного (это бывает со всеми, чья деятельность заключается в применении физических сил, и это наилучшее, что они могут дать), те люди по своей природе — рабы; для них, как и для вышеуказанных существ, лучший удел — быть в подчинении у такой власти. Ведь раб по природе — тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает. Что же касается остальных живых существ, то они не способны к пониманию приказаний рассудка, но повинуются движениям чувств»¹¹.

В Средние века подобного рода обоснования неравенства были столь широко распространены, что специально пересказывать их нет смысла. Отчасти их уже в XX в. воспроизводит Н. Бердяев: «Неравенство религиозно оправдано неповторимо индивидуальной судьбой человеческой личности в вечности. Это не значит, конечно, что не должно облегчать и улучшать земной удел человека. Наоборот,

¹¹ *Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 383.*

это облегчение и улучшение есть исполнение заповеди любви. Но это значит, что нельзя бунтовать против первооснов божественного миропорядка, разрушать их и противопоставлять свой ограниченный и произвольный смысл божественному смыслу жизни. Неравенство есть основа всякого космического строя и лада, есть оправдание самого существования человеческой личности и источник всякого творческого движения в мире»¹².

Век Просвещения, при апологии равенства людей в общем и целом, тем не менее никак не отрицал неравенства людей *по природе*. Замечательно, что рассуждения о таком неравенстве, к примеру, у П. Гольбаха заканчиваются пассажем, который невольно заставляет вспомнить о политэкономических теориях ренты Смита и Рикардо: «Природа наделила людей такими же различиями, какие мы наблюдаем среди других созданных ею существ. Люди значительно отличаются друг от друга по своим физическим и духовным силам, страстям и идеям, представлением о благосостоянии и средствам, избираемым ими для достижения этого благосостояния. Таков источник неравенства между людьми. Это неравенство не только не вредит обществу, но и способствует сохранению и поддержанию его существования.

<...> Итак, оставим в стороне предположения о мнимом равенстве, которое будто бы с самого начала существовало между людьми. Люди никогда не были равными. <...> Это неравенство людей еще больше бросается в глаза, когда речь заходит о человеческих способностях, называемых духовными, или интеллектуальными, т.е. об энергии и силе страстей человека, о его суждениях, настойчивости и проницательности, о его уме. Человек слабый физически или умственно всегда был вынужден признавать превосходство более сильного, одаренного, предпри-

¹² Бердяев Н. Философия неравенства. М., 1990. С. 62.

имчивого и искусного, более развитого духовно; человек, превосходящий других силой и трудолюбием, мог обрабатывать участок земли больших размеров и добиваться при этом большего плодородия, чем человек, немощный от природы. Таким образом, люди с самого начала были неравны как по их личным качествам, так и по размерам их имущества и владений»¹³.

С развитием капитализма новую актуальность приобрела старая мысль, выраженная Ж. Гобино: «Мысль о врожденном, исходном и раз и навсегда установленном неравенстве между разными расами является одной из самых распространенных с незапамятных времен. <...> Не считая того, что произошло в нынешнюю эпоху, это понятие служило основой почти всех теорий правления. Нет народа, большого или малого, который не делал бы из этой предпосылки первую максиму государственного устройства. Системы каст, знати, аристократии, основанные на прерогативах рождения, не имеют иного источника; то же самое можно сказать и о праве старшинства по возрасту, предполагающем априорное преимущество сына-первенца и его потомков. Из этой доктрины вытекают неприятие чужака и превосходство, которое каждая нация культивирует по отношению к соседям»¹⁴.

Эта старая мысль как нельзя более подходила для обоснования того, что далее мы называем *плохой рентой*; но в эпоху, современную Гобино, она считалась вовсе не плохой, а очень даже естественной и разумной. Так, проповедь расизма в англосаксонских странах приняла значительные размеры еще в конце XIX в., в США получили

¹³ Гольбах П. Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления // Гольбах П. Избр. произведения: в 2 т. М., 1963. Т. 2. С. 100–101.

¹⁴ Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2010. С. 46–47.

широкое распространение идеи *евгеники* и представления о *естественной* иерархии рас, в рамках которой белые в рамках *цивилизаторской миссии* фактически получают право эксплуатировать другие расы¹⁵. Белая раса объявлялась *высшей* и *наиболее разумной*. Но и внутри белой расы приводились подобные же обоснования, для того чтобы *научно доказать* превосходство господствующих классов над трудящимися массами.

Такого рода обоснования неравенства если теперь и не отвергнуты совсем, то отложены в сторону, по крайней мере в своей грубой форме. Современные апологеты неравенства и вытекающих из него многочисленных рент уже не говорят прямолинейно о превосходстве одной расы над другой или одного класса над другим *по природе*. Однако та же самая логика лежит и в основе современных обоснований неравенства. Либерализм, национализм или, к примеру, теории модернизации в этом смысле мало чем отличаются от своих архаичных предшественников или от таких более *грубых* современников, как нацизм и расизм: человек, родившийся в *мастерской мира* или *глобальном гегемоне*, пользуется преимуществами просто в силу своего рождения. Капитализм, с его бурным научно-техническим прогрессом, как известно, тесно связывается с постоянным введением инноваций. Собственно они и дают большую часть ренты. Но откуда берется эта способность к инновациям? Раньше прямо говорили, что она — дар природы, щедрый для одних рас и скупой для других. Теперь те же утверждения являются закономерным выводом из исследований IQ, который у представителей белой расы оказывается выше, чем

¹⁵ Коуп З. Разделенный мир, разделенный класс: мировая политэкономия и стратификация труда при капитализме. URL: <http://lenincrew.com/divided-world-1/>.

у представителей иных рас¹⁶, а у представителей высших классов превосходит таковой у обитателей нижних ярусов социальной пирамиды. И такой порядок, конечно же, представляется как естественный и обосновывается научно. Как замечает А.В. Матецкая, «современные общества имеют собственный вариант объяснения (и оправдания) социального неравенства — миф о том, что человек сам кузнец своей судьбы. <...> В качестве примера современной легитимации социального неравенства можно рассматривать даже социологическую теорию. Структурно-функционалистский подход к объяснению феномена социального неравенства провозглашает, что социальная стратификация выполняет важную социальную функцию, а именно — позволяет поощрять наиболее способных и инициативных, предоставляя им более высокий статус и вознаграждение. В данном случае мы имеем дело с воспроизводством в рамках науки мифа о заслугах, упомянутого выше»¹⁷.

Но социологическая теория — не самый яркий и образцовый пример современных дискурсов, служащих легитимации социального неравенства и социальной ренты. Как убедительно показывает В.М. Ефимов, мейнстримное неоклассическое направление экономической науки стало играть аналогичную роль гораздо раньше и в больших масштабах. Со времен возникновения экономики как науки правящие круги буржуазного общества «были заинтересованы в абстрактных теоретических построениях, обосновывающих видение общества как рынка и бесконтрольности их экономической деятельности»¹⁸. Уже «в середине XIX века курсы политэкономии сознательно

¹⁶ См., например: Линн Р. Расовые различия в интеллекте: Эволюционный анализ. М., 2010. 304 с.

¹⁷ Матецкая А.В. Социология культуры. Ростов н/Д, 2006. С. 118–119.

¹⁸ Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом: иные методологии, история и исследовательские практики. М., 2016. С. 107.

создавались как средство поддержки существующего общественного порядка». Апология социальной ренты буржуазии заключалась в постулировании неких *естественных* экономических законов, столь же незыблемых, как законы природы: «французские экономисты-любители XIX века, сторонники идей Кенэ относительно естественного порядка, естественных законов и *laissez-faire*, были хорошо подготовлены для теоретического обоснования “естественности” тяжелого положения промышленных рабочих и вредности вмешательства государства с целью его улучшения»¹⁹.

Сложившаяся к сегодняшнему дню стратегия легитимации экономической наукой социальной ренты буржуазии описывается В.М. Ефимовым в следующих четырех ключевых пунктах: 1) отрицание властного характера экономических отношений; сведение их исключительно к *обмену*; 2) обоснование необходимости минимизации роли государства и тем самым расширение роли денег в качестве источника власти; 3) убеждение всех в том, что цель жизни состоит в потреблении, что ведет к дальнейшему укреплению власти промышленников и предпринимателей как *производителей* потребительских благ; 4) неприятие моральных ограничений в сфере бизнеса, что опять-таки ведет к усилению основанной на деньгах власти²⁰. В этих пунктах содержится краткое описание основных элементов той системы различных *теоретических*, моральных и институциональных привилегий, которые расширяют власть промышленников, предпринимателей и банкиров относительно всех прочих членов общества. Так оправдывается политический и моральный порядок, при котором буржуазия *естественным образом* оказывается в позиции главного получателя социальной ренты.

¹⁹ Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом... С. 136–137.

²⁰ См.: Там же. С. 153–154.

Понятие ренты в монографии

Исходя из вышесказанного, в вопросе о ренте трудно отделить *чистую* экономику от политики, что и делает проблематику ренты предметом дискуссий. Остается подозрение: а не является ли рассуждение о ренте в чисто экономических, абстрагированных от политики категориях всего лишь маскировкой политической или по крайней мере смешанной политико-природной ренты под чисто природную или *естественную* ренту, подчиняющуюся квазиприродным законам рынка?

Наш подход отчасти вырос из такого подозрения и продиктованного им осознания того, что рента — не сугубо экономическое понятие в традиционном смысле.

Поэтому в данной работе *под рентой мы понимаем материальные и иные блага, которые получают индивиды, социальные группы и даже отдельные общества вследствие занятия выгодной позиции в социально-политической структуре*. Эта позиция позволяет обращать другие социальные позиции, а также природные и иные ресурсы в *дары природы*, т.е. в такого рода ресурсы, из эксплуатации которых можно извлечь *богатство* и вообще всякого рода излишек, превышающий продукт для удовлетворения обычных, среднестатистических потребностей членов данного общества. В этом смысле феномен «погони за рентой» выступает в нашей работе как универсальное явление, пронизывающее всю человеческую историю. Рента в таком понимании — социальная и политическая рента правящих классов, которая во многих чертах копирует отношение человека как вида к «природе». По мере развертывания соответствующих социально-экономических процессов одни люди по отношению к другим оказываются такими же *дарами природы*, как земля, воздух, вода или полезные ископаемые. Понятно, что данный подход к ренте далеко не всегда позволяет вычисли-

тать ее денежное выражение, поскольку многие получаемые таким образом блага сами по себе нематериальны и только опосредованно могут быть конвертированы в материальные.

Помимо этого, в нашей работе рента понимается и в обычном смысле — как некий стабильный доход, не зависящий от трудовых усилий. Такого рода доход необязательно связан с занятием однозначно выгодной (и даже доминирующей) позиции в социальной структуре. Нередко это источник весьма скромного существования, жизненно необходимый минимум. Принципиально здесь то, что данный источник — *альтернатива* в первую очередь наемному труду, которая становится желанной ввиду потери возможности трудиться *на себя* или невозможности найти отвечающую желаниям человека работу по найму, либо утраты доминирующего положения в социально-политической структуре (в случае если речь идет об уходящем правящем классе), либо потери просто более благоприятного, чем сейчас, положения. Тогда у людей и целых социальных групп — как в прошлом, так и в современности — возникает естественное желание стать рантье. В любом случае поиск рента такого рода является компенсацией за утраченные возможности и обеспечивается преимущественно политическими средствами, т.е. тоже опирается на некое (пусть утрачиваемое или оспариваемое) *преимущество, превосходство или привилегию*.

Пришествие политической ренты

Еще относительно недавно было принято считать, что рента и рентные отношения не играют в современном (капиталистическом) обществе сколько-нибудь значимой роли. Однако в последние десятилетия ситуация начала меняться. Постепенно ренту стали обнаруживать везде, прежде всего на стыке политики и экономики (Гордон

Таллок, Джеймс Бьюкенен, Роберт Толлисон и др.), пытаюсь осмыслить с помощью этой категории различные феномены современности в широком культурном спектре.

Новое пробуждение интереса к рентным отношениям говорит о том, что значение ренты выше, чем предполагалось раньше, и не является исключительно экономическим. Дело здесь не только в *экономическом империализме*. Выяснилось, что понятие ренты тесно связано с понятиями социальной структуры, социального неравенства, политических институтов и т.д., легко переводится на язык политологии и социологии (не хуже, чем, скажем, понятие рынка) и полностью релевантно при анализе широкого спектра политических, социальных, даже культурных феноменов — как оставшихся в прошлом, так и имеющих место в настоящем. Думается, что его использование вполне способно приоткрыть нам и некоторые черты будущего.

Почему социальные исследователи раньше пренебрегали понятием ренты? Не только потому, что на протяжении долгого времени последняя ассоциировалась преимущественно с земельной рентой и другими сугубо экономическими явлениями. Например, согласно Давиду Рикардо, рента — это та «доля продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы»²¹. Не меньшую роль, как представляется, здесь сыграли и факторы идеологического характера. В первую очередь речь идет о традиции подразделять ренту на легитимную, *хорошую*, и не совсем легитимную, *плохую*.

Построение политико-экономических отношений вокруг распределения ренты прочно ассоциировалось с докапиталистическими обществами. В сущности, рента трактовалась как стоимость, присвоенная посредством при-

²¹ Рикардо Д. Соч. Т. 1. С. 65.

нуждения. В целях идеологического самоутверждения капитализм стремился отмежеваться от предшествовавшей ему длительной истории обществ, строившихся именно на распределении ренты. В определенный период был достигнут едва ли не консенсус по поводу маргинальности ренты при капиталистическом устройстве. По словам Генри Джорджа, рента начала считаться *грехом* — нетрудовым доходом, который лишает капиталистов и рабочих огромной доли средств²². Если исследователь, подобно Джону Гобсону²³, обнаруживал, что современный ему капитализм (империализм) ориентируется на ренту, то усматривал в этом проявление болезни. Марксисты (например, Николай Бухарин) считали это свидетельством вырождения и упадка капитализма: империализм «готовит почву для паразитического, разлагающегося строя рантье»²⁴. *Здоровый* же капитализм устами своих апологетов позиционировал себя в качестве общества, в равной мере ушедшего и от неприкрытого насилия, и от накопления ренты. Не то чтобы все это исчезло, но не считалось ни мейнстримным, ни морально легитимным. Основными источниками богатства в капиталистических *порядках открытого доступа* теперь объявлялись труд и капитал. Неудивительно, что в этих условиях концепт ренты нередко оказывался излишним²⁵. Если же все-таки речь заходила о ренте, то обычно в контексте лоббирования и сопряженных с ним общественных издер-

²² См.: Хайлброннер Р.Л. Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха, идеи. М., 2008. С. 236–238.

²³ См.: Гобсон Дж. Империализм. СПб., 1927. 287 с.

²⁴ Хайлброннер Р.Л. Философы от мира сего... С. 251. О том, что «Соединенные Штаты все более становятся обществом рантье», с явной тревогой писал и Дэниел Белл (*Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 214).

²⁵ См.: Fetter F.A. Capital Interest and Rent: Essays in the Theory of Distribution. Kansas City, 1977. 400 p.

жек: предпринимательская погоня за прибылью на рынке из области ренты заботливо исключалась²⁶. Легитимными источниками прибыли признавались талант и инновации, обусловленные научно-техническим прогрессом. Инновации позволяли расширить круг источников прибыли, ввести в него то, что раньше туда не входило. Однако эта *честная предпринимательская прибыль* не рассматривалась как рента. Не принималась во внимание и другая рентная составляющая такой прибыли — доход от увеличившейся нагрузки на природу, которая долго воспринималась как неисчерпаемый источник ресурсов²⁷.

Иными словами, наличие рентоориентированного поведения в капиталистическом обществе не отрицалось полностью, но его область ограничивалась почти исключительно сферой политики. Да и здесь погоня за рентой представлялась чем-то в значительной мере чужеродным, даже архаичным, каким-то, пусть трудно устранимым, пережитком прошлого. *Буржуазная идеология* и политэкономия традиционно негативно относились к ренте как таковой, полагая ее наследием прошлого, неуместным во времена, когда всякая прибыль якобы создается только одним трудом и капиталом. Погоня за рентой считается проявлением *общественно невыгодной конкуренции*. В частности, А. Хиллман отмечает: «Общественно выгодная конкуренция — это конкуренция на рынке при предложении товаров, в то время как общественно невыгодная имеет место при определении победителей в борьбе за ренту»²⁸. Разговор о *хорошей* ренте если и допускался, то главным обра-

²⁶ См.: Tollison R.D. The Economic Theory of Rent Seeking // Public Choice. 2012. No. 1–2 (152). P. 75.

²⁷ См.: Гэффни М., Титова Г., Харрисон Ф. За кулисами становления экономических теорий. От теории — к коррупции. СПб., 2000. Гл. «Кризис социальной мысли».

²⁸ Хиллман А.Л. Государство и экономическая политика. Возможности и ограничения управления. М., 2009. С. 524.

зом применительно к ренте от *хороших* институтов вроде судебной, налоговой и правовой системы, демократических практик и т.д. Ренты, порожденные государственными монополиями и привилегиями, эксплуатацией, колониализмом, империализмом или рабством, считались непринципиальными для понимания генезиса капитализма. «Экономическое богатство Запада, — доказывали, в частности, Натан Розенберг и Лау Бирдцелл, — приписывалось различным формам дурного поведения, которое было предосудительным если не по критериям своего времени, то уж наверняка по современным критериям. В вину Западу чаще всего ставили рост неравенства доходов и богатства, эксплуатацию рабочих, колониализм, империализм и рабство. Эти объяснения были очень полезны, поскольку поощряли благотворительность, сбивали западную спесь и служили аргументами в пользу социального законодательства. Но лучше не говорить об их адекватности в объяснении экономического роста Запада»²⁹.

Тенденция к вынесению проблематики *плохой* ренты за пределы *порядков открытого доступа* отчетливо просматривается и в известной работе Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста «Насилие и социальные порядки». Квалифицируя ренту как вознаграждение за нахождение на вершине социальной иерархии³⁰, авторы утверждают, что в *естественных государствах* (ранними примерами которых были рабовладельческие и феодальные) создание ренты, вкуче с личными отношениями, выполняет важную позитивную функцию, обеспечивая «систему стимулов, которая сдерживает насилие и дела-

²⁹ Rosenberg N., Birdzell L.E. How the West Grew Rich: The Economic Transformation of the Industrial World. N.Y., 1986. P. 12.

³⁰ См.: Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 92.

ет возможной кооперацию»³¹. По-иному обстоит дело в относительно демократичных и либеральных обществах, где политика, нацеленная на создание ренты, дестабилизирует властную коалицию, а следовательно, в долговременном плане невыгодна. Хотя *общество открытого доступа* не уничтожает ренту как таковую, стремление к ренте там порождает конкуренцию, которая приводит к эрозии самой этой ренты³². В подобного рода системах доминирует не политическое создание рент, а обусловленная конкуренцией эрозия ренты вследствие появления новых источников прибыли в «шумпетерианском процессе творческого разрушения»³³. Демократия воспринимается не как перераспределение, а как направление средств на *созидание* новых общественных благ и услуг.

Между тем главный признак ренты заключается в том, что часть платы за использование некоего актива достается индивиду независимо от его усилий и прошлых действий: он получает право на данный доход просто благодаря своему месту в социальной структуре³⁴. *И это вовсе не обязательно положение на вершине социальной иерархии*, тем более в рамках *естественного государства*. *Порядки открытого доступа* имеют не менее устойчивые иерархии, а значит, предоставляют свои возможности для погони за рентой.

В свете сказанного вопрос о ренте становится *проклятым*. Капитализм предполагает существование всех видов ренты — и той, что на уровне идеологии признается *хорошей*, и той, что считается *плохой*. Нельзя однозначно утверждать, что *плохая* рента маргинальна для подобного общества и должна рассматриваться как пережиток про-

³¹ Там же. С. 93.

³² См.: Там же. С. 215.

³³ Там же. С. 253.

³⁴ См.: Sorensen A. The Structural Basis of Social Inequality // The American Journal of Sociology. 1996. Vol. 101. No. 5. P. 1334.

шлого. Вопрос о ренте в значительной мере является вопросом о получении сверхдохода, проистекающего из положения отдельного человека или социальной группы в социальной структуре общества. При этом все виды ренты, по аналогии с земельной, воспринимаются как своего рода дары природы, которыми грех не воспользоваться. Такое отношение к ренте, по-видимому, характерно для человечества на всех этапах исторического развития.

1.2. РЕНТООРИЕНТИРОВАННЫЙ ХАРАКТЕР КАПИТАЛИЗМА

В период становления капитализма начинает господствовать принцип максимизации полезности, чего можно добиться только производительным трудом и инвестициями. Капиталистические общества пронизаны духом эгоистического обогащения. Новизна капитализма состоит отнюдь не в том, что какая-то прослойка людей эксплуатирует других. Как уже отмечалось, так было и раньше. От иных форм общественного устройства капитализм отличается особой субъектностью, представлением о необходимости всеобщего обогащения в условиях свободного рынка. В этом смысле максимизаторами полезности выступают не только те, кто стоит у руля, но и низовые слои, постоянно стремящиеся к увеличению совокупного благосостояния посредством в первую очередь труда и инноваций. Казалось бы, для ренты здесь нет места, а если и есть, то только в качестве тормоза развития.

Однако в условиях капитализма, демократии, рыночной свободы и т.п. рента, вопреки утверждению Дугласа Норта и его соавторов, не размывается и не вытесняется. Представление о труде, капитале, инновациях и инвестициях как о базовых факторах обогащения является уязвимой объяснительной риторикой, натянутой на старое *рентное* основание. И, как мы постараемся показать

ниже, эта теоретическая перспектива становится все более уязвимой.

В основе ренты в конечном счете лежит пользование неким даром природы или его социальным эквивалентом. Чтобы одни могли вести *достойную жизнь*, другие (как люди, так и природные явления) обращаются посредством ряда социальных практик в *дары природы*. Это верно еще с Античности, если не с более ранних времен. При капитализме обращение элементов материального мира и людей в дары природы поднимается еще на одну ступень совершенства. Широко используемые машины — сразу бросающиеся в глаза дары природы, ибо они являются плодами *природных* талантов изобретателей, заставивших *природу* выполнять за человека работу таким способом, какой был ранее недоступен. Другой стороной капиталистического ноу-хау по извлечению ренты является моральная и идеологическая обработка людей, которым, как писал Поль Лафарг, прививается *религия труда*: «По мере того как вследствие усовершенствования машины возрастает скорость и точность ее работы, по мере того как совершенствуется машина и все более развивающейся скоростью и точностью своей работы вытесняет человеческий труд, рабочий, вместо того чтобы настолько же увеличить свой досуг, удваивает усердие, словно он хочет соперничать с машиной»³⁵. Если мы вспомним, что в докапиталистические времена такая религия показалась бы извращенным лицемерием, то станет понятен ее смысл: капитализм обнаружил способ *добровольного* превращения людей в *дары природы*. Точно так же, как технический прогресс превращает в дары природы то, что ранее ими не было, идеологический прогресс эпохи капитализма смог превратить в такой дар представление человека о самом себе и своем предназначении — ситуация, дотоле невиданная! Суть

³⁵ Лафарг П. Право на лень. Религия капитала. М., 2012. С. 15.

этого превращения состояла в осознании человеком себя как в первую очередь *трудящегося*, а способности к труду как подлинной сути своей природы. Воспринимавшийся ранее как тяжелая необходимость, которой подчиняются ради удовлетворения собственных нужд, при капитализме труд стал позиционироваться как главный источник *богатства*. *Каждый носит этот источник богатства в себе и каждый поэтому может стать богатым!* «Поскольку, — заключает З. Бауман, — было установлено, что труд является источником богатства, задачей разума стало найти, высвободить и использовать этот источник с невиданной прежде эффективностью»³⁶. Иными словами, найден был способ сделать труд источником еще большей ренты, чем он был ранее; постепенно отказываясь от прямого насилия, обратить его в дар природы для класса капиталистов. Капиталисты получили возможность иметь с труда такую ренту, какой не имели господствующие классы прошлого. При этом часть буржуазных политэкономов обличала старый вид земельной аристократической ренты, определяемой *внеэкономическими* факторами. Эта же линия сейчас продолжается в разоблачении политической ренты Таллоком, Толлисоном, Бьюкененом и др.

Сходная логика обращения в дары природы того, что ранее ими не было, касается и таких нематериальных сущностей, как *культура* и *традиция*. Общеизвестно, что само развитие капитализма происходит не без использования наследия традиционного общества, его норм, рабочей силы, правительственного контроля над властью и порядком, правительственных же преференций и монополий и т.д. По мере того как традиционные источники ренты иссякают, приходится выводить производство туда, где они еще есть в наличии, например в *третий мир*.

³⁶ Бауман З. Возвышение и упадок труда // Социолог. исслед. 2004. № 5. С. 78–79.

В связи с этим можно вспомнить, что протестантизм (особенно ранний), которому со времен Вебера приписывают честь порождения капиталистического духа, нередко обладал ярко выраженными антикапиталистическими чертами, а также что, к примеру, конфуцианская этика³⁷, как ни удивительно, оказалась не менее пригодной для обеспечения бурного капиталистического развития. Показательно, что во всех случаях такое развитие, по крайней мере на первоначальном этапе, базировалось на своего рода культурной ренте с докапиталистических обществ, кстати говоря, обществ древних, со старыми традициями *крестьянской ренты* и привычкой подчинения вышестоящим, тесно переплетенной с культом трудолюбия. Вопрос заключался лишь в том, как использовать этот *дармовой* ресурс, как сделать такое использование приемлемым и нравственно легитимным, и найденные в разных странах ответы на него определялись спецификой имевшегося там социального капитала. К каждой конкретной культуре требовался, возможно, особый ключик; однако этот ключик обычно находился.

Таковым служил имеющийся в традиционных обществах культ трудолюбия, но вовсе не *религия труда*! Например, в средневековой культуре, которую даже называют *цивилизацией труда*, труд рассматривался как средство спасения, как способ заработать на хлеб насущный, как суровая необходимость, тем не менее возвышающая человека, как создание (близкое к искусству) предметов, имеющих потребительную ценность, даже как социальное и моральное преимущество перед сеньорами и т.д.³⁸ Однако он *не* рассматривался как источник богатства. Бо-

³⁷ См., например: *Росман В.* Китайский капитализм // Вестн. Европы. 2004. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/12/ro7.html>.

³⁸ См.: *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 35–42.

гатство, отношение к которому вообще было подозрительным, приобреталось вооруженным насилием, ростовщичеством, торговлей, авантюрами — чем угодно, но не трудом. Да, *без труда не вытащишь рыбку из пруда, но от трудов праведных не наживешь палат каменных*. Стоит вспомнить тезис В. Зомбарта³⁹ о том, что капитализм опирается на соответствующие социальные нормы и ценности, благоприятно отразившиеся на процессе формирования культуры мещанства: с одной стороны, религиозные добродетели вкупе с бережливостью и накопительством, а с другой — авантюризм и страсть к изменениям. И если В. Зомбарт делает ставку на изменения в *католической этике*, то у М. Вебера⁴⁰ в центре внимания — *протестантская этика*, в рамках которой постепенно пришли к выводу о том, что добродетельный человек — это прежде всего обеспеченный человек, фанатично преданный делу.

Важнейшим источником ренты выступают инновации, которые появляются благодаря научно-техническому прогрессу и природному таланту, тем самым создавая почву для постоянно возникающих *временных рент*. Однако неоднократно замечалось, что импульсом ко многим техническим изобретениям послужила лень, нежелание заниматься отупляющим тяжелым трудом. Такова альтернатива, предоставляемая капитализмом: или использование тяжелого труда как дара природы, или его облегчение путем инновации, порожденной отвращением к такому труду. Из того и из другого извлекается рента. В то же время лень при капитализме рассматривается если и не как тот

³⁹ См.: *Зомбарт В.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. СПб., 2005. 640 с.

⁴⁰ См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 44–344.

же *дар богов*, то как условие для проявления даров природы, из которых извлекается рента. Остается и представление о лени, как об одном из условий проявления подлинной природы человека, но часть такого рода проявлений в виде технических изобретений захватывается капитализмом в его стремлении к обогащению.

Это стремление оборачивается непрерывным поиском ренты. Тут уместно сослаться на известное замечание британского профсоюзного лидера Томаса Джозефа Даннинга, приводимое Карлом Марксом в примечании к «Капиталу», по поводу прибыли, ради которой капитал пойдет на все: «Обеспечьте капиталу 10% прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы»⁴¹. Но такая прибыль, конечно же, может быть только следствием специфической ренты. По мысли Маркса и Энгельса, изложенной в «Манифесте Коммунистической партии», существование капитализма невозможно без все новых и новых переворотов в промышленности: «буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений»⁴². Это позволяет капиталистам извлекать максимально возможную прибыль. Однако постоянные перевороты — это и есть постоянные новые ренты, которые вкладываются в расширение производства и другие инновации. С этой точки

⁴¹ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 770.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Там же. Т. 4. М., 1955. С. 427.

зрения капитализм нередко возводит погоню за рентой в принцип своего существования.

Таким образом, поиск ренты, если не сводить его к докапиталистическим разновидностям, не тормозит развитие капитализма, а подстегивает его. Тормозит развитие капитализма скорее ограниченность источников внеэкономической ренты и вообще всякой сверхприбыли. Если бы каждое новое достижение прогресса сразу становилось общим достоянием, никакой ренты как временного преимущества одних над другими не было бы. Как и на ранних стадиях истории, именно инновации позволяют капитализму включать в число полезных источников ренты то, что ранее таковыми не являлось. Капитализм — это сумма социальных технологий открытия новых источников ренты, и в первую очередь ренты как условия *избыточного богатства для дальнейшего роста*. Если раньше технические новшества нередко отвергались по соображениям морали, ибо они могли уничтожить благосостояние слишком многих, породить несправедливые цены и т.д., то теперь ситуация меняется. В данном контексте разрешение инноваций означает позволение искать ренту там, где прежде ее не искали, исходя из обычаев и моральных установлений.

На самом деле капиталистическое общество еще более рентоориентировано, чем предшествующие, хотя официально поиск ренты в нем предстает как морально и институционально легитимная *погоня за сверхприбылью*. Поэтому погоня за рентой при капитализме вездесуща. Не случайно одним из основополагающих понятий при оценке капиталистического предприятия является *рентабельность*, ведущая свое происхождение от понятия *ренты*. Когда возможности для поиска *хорошей* и легитимной ренты по каким-то причинам исчезают либо сокращаются, ищут ренту политическую или даже, в известных пределах, прямо основанную на насилии. Если бы дело

обстояло иначе, *порядки открытого доступа* искоренили бы *плохую* ренту и пережитки *естественного государства*. Однако этого не произошло, и капитализм до сих пор не имеет устойчивой политической надстройки. Срывы к диктатуре и фашизму, которые тоже можно считать возвратом к поиску *плохой* ренты при невозможности получить *хорошую*, — явление не такого уж далекого прошлого. На ранних стадиях развития капитализма буржуа охотно идут на приобретение старых видов ренты — покупают землю, дворянские титулы, монополии, идут на откуп налогов. В наше время мы сталкиваемся с логроллингом⁴³, борьбой различных групп интересов и меньшинств за привилегии и *позитивную дискриминацию* и т.д. Подобная рентоориентированная активность подкрепляется исходной природой государства как *стационарного бандита*, который удовлетворяет притязания политически значимых групп путем распределения привилегий, монополий и рент. Капитализм в процессе становления тоже никогда не мог обойтись без поддержки государства — если не своего, так чужого, если еще не вполне буржуазного, так аристократического. Джованни Арриги блестяще показывает это на примерах Венеции и Генуи, когда в первом случае государство всецело поддерживало своих предпринимателей политическими решениями и военной силой, а во втором такого рода издержки более или менее успешно перекладывались на другие государства⁴⁴. Только в воображении либералов, замечает Карл Полаanyi, *laissez-faire* являлся естественным порядком вещей. На деле же свободный рынок был создан целенаправлен-

⁴³ В англосаксонских странах так называют практику взаимной поддержки депутатов законодательных органов, реализуемую посредством *торговли голосами*.

⁴⁴ См.: Арриги Д. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006. С. 161–181.

ными усилиями государства: «в политике *laissez-faire* не было ничего “естественного”: простое невмешательство в естественный ход вещей никогда бы не смогло породить свободные рынки. <...> Сам принцип *laissez-faire* был проведен в жизнь усилиями государства. На 1830-е и 1840-е гг. приходится не только взрыв законодательной активности в деле отмены прежних регламентирующих актов, но и громадное расширение административных функций государства, которое постепенно обзаводилось центральным бюрократическим аппаратом, способным выполнять задачи, поставленные сторонниками либерализма. <...> *Laissez-faire* воспринимался не как способ достижения цели, а как сама цель»⁴⁵.

В политическом измерении первоначально рыночный капитализм в целях дискредитации сословно-феодальных порядков и аристократии, опиравшейся на земельную ренту и дистрибутивные обмены, подверг тотальной критике ренту как ключевой двигатель экономики в лице *идеологически устаревшего* экономического учения *физиократов*. В частности, П. Розанваллон отмечает, что идея независимого саморегулируемого рынка в свое время стала обманчивой попыткой справиться с теми политическими противоречиями, которые не смогла разрешить в условиях раннего капитализма руссоистская теория общественного договора: «рынок как будто бы подходит для решения этой задачи. Он должен установить власть “невидимой руки”, и эта власть по природе нейтральна, поскольку безлична. Он обеспечивает социальное регулирование, имеющее абстрактный характер: отношениями между людьми управляют объективные “законы”, в этих отношениях нет места подчинению и приказу. Рынок по-

⁴⁵ *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 156.

добен некоему “скрытому богу”»⁴⁶. Эта социальная утопия существовала сравнительно недолго, знаменуя новый баланс социальных сил как торжество *третьего сословия* в лице буржуа, сместившего Старый порядок (Ancien régime), но еще не обретшего нового исторического антагониста в лице *человека труда*.

Новый капиталистический порядок довольно скоро начал проявлять свою *проклятую сторону*, связанную с эксплуатацией, отчуждением, монополизацией рынков, внеэкономической конкуренцией, политическим лоббизмом и стремлением к внеконкурентному распределению ренты. Поэтому идеализированный конкурентный капитализм и честные буржуа, зарабатывающие потом и риском, капиталом и трудом, вскоре остались только в учебниках и идеологии неолиберализма.

Как показывает Пьер Розанваллон, уже *реальный* капитализм XIX в. описывался в категориях вовсе не классической экономической науки эпигонов Смита и Рикардо с их апологией рынка и маргинализацией ренты, а, скорее, *политэкономии* Листа, Сисмонди, Вальраса и, далее, Маркса. В категориях национального интереса, классовой борьбы и государственной политики выявлялось ключевое значение для реального капитализма многочисленных политических и классовых рент. Реальный капитализм представлял вовсе не утопией свободного рынка: «капитализм не более чем *совокупный результат конкретных экономических и социальных практик*. Он обозначает такую форму общества, при которой один социальный класс, капиталисты, контролирует экономику и формы социальной организации, влияющие на экономическую жизнь»⁴⁷. Поэтому класс капиталистов сугубо прагматичен и поочередно

⁴⁶ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М., 2007. 256 с.

⁴⁷ Там же. С. 219.

придерживается то идеологии свободы торговли, то протекционистских принципов, «то этатизма, то анти-этатизма. <...> В этой связи совершенно бессмысленно критиковать капитализм за то, что он не следует в точности принципам экономического либерализма и не реализует программу либеральной утопии. Ибо единственная свобода, которой он добивается, это свобода капитала...»⁴⁸ Маргинализация ренты — момент идеологической борьбы, направленной на легитимацию капитализма как такового. Ее суть заключается в том, чтобы не называть кошку кошкой, а ренту рентой, ибо признание огромной роли ренты деморализует наемных работников и в значительной мере делегитимирует господство капиталистов. Осмысление капитализма как в первую очередь классового прагматизма капиталистов стирает значимую разницу между *неправильным рентоориентированным поведением* и *правильным* поведением, ориентированным на прибыль.

1.3. ДЕМОКРАТИЯ И ДЕКОНЦЕНТРАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕНТЫ

*Общество открытого доступа:
относительная демонополизация политических рент*

Социальная рента в том виде, в каком она существовала в докапиталистических обществах, была следствием наличия власти у определенных социальных групп; эта ничем не скрываемая монополия порождала *порядки закрытого доступа*. Таковой же в принципе она оставалась и в период торжества капитализма в силу почти неприкрытой *диктатуры буржуазии*. Только ограничение этой диктатуры посредством политической борьбы трудящихся и расширение демократического участия могли привести к неко-

⁴⁸ Розанваллон П. Утопический капитализм... С. 220.

Fishman, Leonid G., Martianov, Victor S., Davydov, Dmitry A.

Rental Society: In the Shadow of Capital, Labor and Democracy [Text] / L. G. Fishman, V. S. Martianov, D. A. Davydov; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2019. — 416 pp. — (Economic Theory). — 1000 copies. — ISBN 978-5-7598-1913-4 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-2020-8 (e-book).

In this book the phenomenon of rent is reconsidered as the foundation of the economic and political life of contemporary societies. The dominant economic theory is consistently excluding rental relations from the existing descriptions of contemporary societies, since rent exposes most clearly the mechanisms of hegemony of the ruling class. As a result, rent became a blind spot of economic theory, a phenomenon described as anachronism. However, current trends in the global evolution of capitalism, market economy, and democracy indicate the strengthening of their rental grounds. The crisis of free markets, the transformation of labor society, the exclusion of man from all technological chains and the growth of politically determined inequalities in social groups reveal the contours of a new rental society that is being born here and now — in the shadow of capitalism, labor and democracy.

The book is addressed to economists, political scientists, sociologists, philosophers, as well as anyone interested in the problems of the socio-political development of the contemporary world and Russia.

СЕРИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»
основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: <id.hse.ru/books/series/25279647/>

Научное издание

Леонид Фишман
Виктор Мартьянов
Дмитрий Давыдов

**РЕНТНОЕ ОБЩЕСТВО
В ТЕНИ ТРУДА, КАПИТАЛА И ДЕМОКРАТИИ**

Заведующая книжной редакцией ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Редактор ГАЛИНА ШЕРИХОВА
Верстка: ЮЛИЯ ПЕТРИНА
Корректор ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

Дизайн обложек серии: ABCdesign
ПОЛИНА ЛАУФЕР,
ТАТЬЯНА БОРИСОВА

Дизайн блока серии: СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

На обложке — фрагмент гравюры анонимного художника
«De Belgische Tuin: allegorie ter ere van Van der Noot
en Van der Mersch Jardin Belgique» (1787–1790)
<<https://www.rijksmuseum.nl/en/search/objects?q=engraving+tree&p=4&ps=12&st=Objects&ii=2#/RP-P-OB-86.052,38>>

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 29.07.2019. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 18,8. Печать струйная ролевая
Тираж 1000 экз. Изд. № 2229. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59